

ПРИВОЛЖСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ЧЕЛОВЕК
НА ИЗЛОМАХ
ИСТОРИИ ...**

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Н. Новгород, 13–14 октября 2023 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРИВОЛЖСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Нижний Новгород

2023

УДК 93(06)
ББК 63.3я43
Ч 345

Редакционная коллегия:

Грехов Александр Васильевич (отв. ред.), д-р филос. наук, профессор
Фатенков Алексей Николаевич (отв. ред.), д-р филос. наук, профессор
Давыдов Андрей Александрович, канд. культурологии
Мордвинов Александр Александрович, канд. филос. наук, доцент
Нагорных Ольга Станиславовна, канд. ист. наук, доцент
Николаи Фёдор Владимирович, д-р филос. наук
Гордин Алексей Александрович, д-р ист. наук

Ч345 **Человек на изломах истории** : материалы Всероссийской научной конференции (Нижний Новгород, 13–14 октября 2023 г.) / под ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. – Нижний Новгород: Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2023. – 176 с.

История, претендуя на объективный характер, предоставляет вместе с тем человеку возможность и право внести личностные коррективы в её ход. Но это – удел или выдающихся личностей, или выдающихся групп людей. Последние не остаются безымянными, история помнит о тех, кто вовлечён в неё, вознося кого-то до статуса избранных. Авторы представленных научных статей воздают должное действующим лицам исторического процесса, не отказываясь, однако, и от критического его восприятия.

Сборник адресован университетско-академическому сообществу и всем, неравнодушным к судьбе человеческой цивилизации и рода человеческого.

УДК 93(06)
ББК 63.3я43

© Авторский коллектив, 2023

© ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАКЛИЗМОВ.....	7
ОБИТАНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: НЕ В ПОТОКЕ ИСТОРИИ И НЕ В ПОСТИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАВОДИ...	
<i>Фатенков А.Н.</i>	7
ОТ ЧЕЛОВЕКА РОССИЙСКОГО К ЧЕЛОВЕКУ СОВЕТСКОМУ	
<i>Грехов А.В.</i>	12
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАРРАТИВА О РАЗРУШЕНИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ	
<i>Ломаев С.Л.</i>	18
ОТКАЗАЛОСЬ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ОТ ДИАЛЕКТИКИ?	
<i>Козырьков В.П.</i>	24
ТЕОРИЯ ОВЕЩЕСТВЛЕННОГО СОЗНАНИЯ Г. ЛУКАЧА	
<i>Волков Ю.К.</i>	29
ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ В ИСТОРИИ: ОТ АПОСТОЛА ПАВЛА К Ф. НИЦШЕ	
<i>Фаритов В.Т.</i>	35
НАЧАЛА АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМА В.А. КУТЫРЕВА	
<i>Маслов В.М.</i>	39
Н.К. МИХАЙЛОВСКИЙ И А.А. БОГДАНОВ: ИДЕАЛИЗМ И ЭВОЛЮЦИОНИЗМ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	
<i>Лямина Т.Е.</i>	44
МИФ КАК ФАКТОР ИСТОРИИ: ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА	
<i>Хамидулин А.М.</i>	50
ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БЫТИЙНЫХ ПЕРСПЕКТИВ	
<i>Камалиева И.Р.</i>	55

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Хантурова И.Е.</i>	60
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА <i>Гаффаров И.З.</i>	64
Раздел II. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИХИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО	71
«ИСТОРИКИ АВАНГАРДА»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В 1920-е гг. <i>Тихонов В.В.</i>	71
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В.И. ЛЕНИНА: БЫЛА ЛИ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ? <i>Медведев А.В.</i>	78
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА И ПРИАЗОВЬЯ В ТРАКТОВКЕ М.Я. ОСТРОГОРСКОГО, А.В. ГОЛУБЕВА И Г.М. ПЕТРОВСКОГО <i>Черноножкин А.В.</i>	83
СОВЕТСКИЙ УЧЕНИК В ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ (ОПЫТ ШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ 1930-х гг.) <i>Шепелев Р.А.</i>	89
СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ «НАРОДНОГО КОММУНИЗМА» В ЛИТВЕ В 1940–1950-х гг. В ОПТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ <i>Старкус П.</i>	94
ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ <i>Нагорных О.С.</i>	100
ПЕРЕЖИВАНИЕ ЗАКОНА НА ИЗЛОМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XX В.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ <i>Кежутин А.Н.</i>	105

ИДЕОЛОГИ РАЗРУШЕНИЯ СССР: НАУЧНАЯ ИЛИ ОКОЛОНАУЧНАЯ ЭЛИТА СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВОВЕДОВ	
<i>Перов А.А.</i>	110
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НОРИЛЬСКЕ В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.	
<i>Урожаева Т.П.</i>	115
СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ КАК СУБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	
<i>Сорокина Н.Д.</i>	120
СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	
<i>Шетулова Е.Д.</i>	126
Раздел III. ИСТОРИЯ В ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦАХ	131
РОД РЮРИКОВИЧЕЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРВЫХ КАТАКЛИЗМОВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
<i>Кондратова Г.А.</i>	131
ЭСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ И ЕЕ ГРАНИЦЫ (ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИДЕЙ КЛАУЗЕВИЦА)	
<i>Балаклеец Н.А.</i>	136
НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ А.М. МАКСИМОВСКИЙ (1861–1907) КАК ЖЕРТВА РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА	
<i>Варенцова Л.Ю.</i>	142
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НОТАРИУС В.А. ДЫМЧЕВСКИЙ: ПРИЗВАНИЕ, ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР И СУДЬБА	
<i>Друзьяка А.В.</i>	146
В.И. ЛЕНИН О ЦЕЛИ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ	
<i>Владимиров А.А.</i>	150
ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗЛОМА В СУДЬБЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Ф.И. ШАЛЯПИНА)	
<i>Яковлева Е.Л.</i>	155

ЖИТЕЛИ СЕЛА ГНИЛУША И ВОЙНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.:	
СУДЬБА СЕМЬИ ПАРШИНЫХ	
<i>Ручкина Л.Н.</i>	160
М.Е. ЕРИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИК-	
ГЕРМАНИСТ	
<i>Ночвина Б.А.</i>	165
ПОЛИТИКО-ДИССИДЕНТСКАЯ ПОЗИЦИЯ АКАДЕМИКА	
А.Д. САХАРОВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К НЕМУ	
СО СТОРОНЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	
<i>Упоров И.В.</i>	170

Раздел II. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИХИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

УДК 908

«ИСТОРИКИ АВАНГАРДА»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В 1920-е гг.¹

Тихонов Виталий Витальевич

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19).
Email: tihonovvitaliy@list.ru

Статья посвящена авангардным тенденциям в советском историописании 1920-х гг., тесно связанным с общемировыми культурно-интеллектуальными процессами и революционным пафосом раннесоветской эпохи.

Ключевые слова: историография, авангард, культурно-интеллектуальная революция.

«HISTORIANS OF THE AVANT-GARDE»: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SEARCHES OF SOVIET HISTORIANS IN THE 1920s

Tikhonov Vitaliy Vitalievich

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (117292 Russian Federation, Moscow, Dmitry Ulyanov str., 19).

The article is devoted to the avant-garde trends in the Soviet historiography of the 1920s, closely related to the global cultural and intellectual processes and the revolutionary pathos of the early Soviet era.

Key words: historiography, avant-garde, cultural and intellectual revolution.

В специальной литературе можно обнаружить довольно негативный взгляд на развитие отечественной исторической науки в 1920-е гг.

¹ Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

Даже в советское время считалось, что в эти годы было совершено немало ошибок, которые были исправлены только в середине 1930-х гг. Впрочем, ситуация меняется. В последнее время можно наблюдать отход от одностороннего взгляда на наследие советских историков 1920-х гг. Во многом это происходит в рамках общего роста интереса к экспериментальным поискам молодой советской науки указанного периода.

Задачей предлагаемой статьи является демонстрация «авангардистских» тенденций в нарождающейся советской исторической науке. Конечно же, сам эпитет «авангардистский» применительно к научному знанию требует некоторого пояснения. В данной статье под «авангардистскими» тенденциями подразумеваются стремления историков изменить историческую науку не только концептуально, но и перестроить саму процедуру поиска и презентации исторического знания. Поставить историческое знание на службу построения будущего.

Если в искусстве авангардизм был связан с критикой классического реалистического канона, то в исторической науке такой классикой к началу XX в. стал позитивизм. Его характерными чертами, помимо прочего, являлись профессионализация исторического исследования, акцент на строго верифицируемых исторических фактах. В этих координатах историческое знание не мыслилось вне рамок архивных документов. Идеальной стратегией для историка-позитивиста считалась позиция «внезаходимости», когда он в тиши архивов занимался отдаленным прошлым, чтобы дистанцироваться от политических страстей современности. В значительной степени это было продолжением допозитивистской традиции рационалистической и романтической историографии. Но если раньше такой подход обосновывался политическими и эстетическими мотивами, то в позитивизме он приобретал сциентистское обоснование. Считалось, что чем ближе проблематика к современности, тем меньше возможностей беспристрастного анализа и тем меньше доступных архивных документов. Не имея всех фактов, отраженных в источниках, историк просто не имел права делать выводы. В этих условиях исследователь должен был придерживаться определенных темпоральных стратегий, заключающихся в максимальном дистанцировании от современности. Не случайно, что современная история с явным трудом находила себе место в рамках классических университетов и Петербургской Академии наук.

Но уже в конце XIX – начале XX вв. можно было наблюдать критику описанной выше исследовательской модели. Усиливалась критика «наивного» позитивизма. Мир переживал научную революцию, переход от классической к неклассической науке, которая тесно переплеталась с ломкой традиционной картины мира. Перемены были многовекторными. Происходила культурная революция, выразившаяся в приходе на место реализма различных модернистских течений в литературе, живописи, архитектуре. Все больший интерес привлекает человеческая индивидуальность, которая помещается в контекст несправедливого и несовершенного мира. Символом времени стал «человек бунтующий», индивидуалист, и одновременно человек страдающий, в том числе и за свой индивидуализм. Это легко уживалось с поисками новых, справедливых для всех форм общественного бытия, в которых бы личность могла раскрыть свою сущность.

Научная революция, определившаяся новыми научными открытиями (рентгена, радиоактивности, микромира и т.д.), фактически разрушила привычную научную картину мироустройства. Символом новой научной картины мира стала теория относительности, сформулированная А. Эйнштейном. Теперь любую «истину» можно было поставить под сомнение: «А относительно чего?». Теория относительности способствовала поиску новых режимов темпоральности в исторической науке. Осознание относительности времени способствовало отказу от позитивистской модели четкого разграничения прошлого и настоящего. Время начинало рассматриваться через призму социальных практик.

На смену прямолинейному рационализму позитивизма приходит более сложная модель познания, признающая особую роль субъекта познания – ученого, предстающего теперь не простым фиксатором объективной реальности, а выступающего почти творцом, привносящим даже в научное знание особенности своей личности. В радикальной форме сомнение в способности познания объективной реальности проявилось в эмпириокритицизме. В отечественной исторической науке идеи эмпириокритицизма выразил Р.Ю. Виппер в своей книге «Очерки теории исторического познания» (М., 1911), где доказывал, что знание о прошлом в значительной степени конструируется историком.

Стоит отметить повышенное внимание к психологии. Особую популярность приобрел психоанализ З. Фрейда, который доказывал, что

человек – не рациональное существо, как это представляла рационалистическая философия, а терзаемое инстинктами и комплексами создание, лишь внешне действующее согласно разуму.

Настоящим властителем дум был Ф. Ницше, призывавший критически переосмыслить все ценности и утверждавший философию крайнего индивидуализма. «Воля к власти» объявлялась центральным онтологическим и гносеологическим понятием, а «сверхчеловек» – конечной целью бытия. Ницше выступал против «антикварной» истории, считая, что история должна помогать строить будущее. В России идеи и эстетика Ницше быстро нашли признание, в том числе и в социал-демократической среде [5].

Приход к власти большевиков стал мощным стимулом ускорения изменений, хотя и придал ему вполне определенное направление. Если до революции можно было наблюдать конкуренцию целого ряда разных подходов, то теперь провозглашалось господство материалистического, марксистского мировоззрения. Проблема заключалась в том, что марксистский историографический канон пока не был сформирован, и не очень ясно было, что является «правильным», марксистским. В этой ситуации главным теоретиком советской исторической науки оказался М.Н. Покровский. Тем не менее в первые годы советской власти можно было наблюдать активные теоретико-методологические поиски, обусловленные во многом «концептуальными пустотами», то есть отсутствием или слабой проработкой целого ряда теоретических и конкретно-исторических проблем [1]. Не прекращали заниматься методологией и представители дореволюционного академического сообщества [2].

Большевицкая революция способствовала радикальной трансформации структуры исторических дисциплин. Так, целый ряд направлений (например, славяноведение, антиковедение, византиноведение и т.д.) оказались в кризисе из-за того, что новой властью они воспринимались как идеологические инструменты павшего царского режима. Наоборот, развитие археологии, как воплощения материалистического подхода к истории, получило серьезный стимул [7, с. 105]. Впрочем, в почете оказалась не древняя история, а история современная, причем, желательна история революционного движения. Октябрьская революция в этом нарративе представлялась кульминацией долгого и предопределенного исторического процесса.

В этой ситуации, когда старая иерархия авторитетов рухнула, открылись возможности для экспериментальных поисков. Утверждение советского марксизма нельзя рассматривать изолировано от многочисленных авангардистских (модернистских) течений в культуре и науке. В 1920-е гг. на его развитие определенное влияние оказывали фрейдизм, эмпириокритицизм и т.д. Так, в исторических и историографических работах начинающего тогда историка М.В. Нечкиной можно обнаружить элементы фрейдистского психоанализа [8; 6].

Интересно, что новая эпоха позволила по-новому определить место автора в научном тексте. Если позитивистская традиция предполагала обезличенный формат авторской презентации, когда историк максимально дистанцировался от сюжета и героев, скрываясь за маской объективности, то модернистское историописание не обязательно требовало авторской дистанции.

Авангардистская эпоха задавала новые формы организации производства и присвоения исторического знания. 1920-е гг. запомнились поисками новых форм исторического образования. Так, предполагалось, что в коммунистических вузах только практические (семинарские) занятия могут воспитать полноценного марксиста и исследователя-практика, объединить знание и реальность. Выступая перед слушателями Коммунистического университета им. Г.Е. Зинovieва в 1923 г., М.Н. Покровский утверждал, что вскоре лекции умрут как форма обучения и «активные занятия будут заполнять все время..., ваше образование станет целиком делом ваших собственных рук, только при помощи старших товарищей» [3, с. 9]. Реализовать эти благие пожелания не удалось из-за невысокого образовательного уровня слушателей. Междисциплинарностью отличалась и исследовательская программа Института истории РАНИОН, где работало много представителей «старой школы», ориентированных на вполне традиционный позитивистский подход. Институт стал своеобразной площадкой сотрудничества и противостояния старого и нового поколений [4].

Характерной чертой 1920-х гг. стали массовые историко-документальные проекты: истпарт, истпроф и т.д. Непрофессиональные историки и простые свидетели событий становились участниками сбора и обработки истории революционного движения, профсоюзного строительства и т.д. Новые организации являлись чем-то средним между научно-исследовательским институтом и массовым движением. Эти проекты можно рассматривать как яркое проявление т.н.

«революционного документализма». Его сутью являлась идея о том, что при помощи автобиографии (написанной самостоятельно или зафиксированной в интервью) «маленький человек» утверждает свою роль в истории и превращается в «Человека с большой буквы». В позитивистской парадигме историк (в данном случае это человек, пишущий историю) оказывается в позиции вненаходимости и может бесстрастно воспринимать прошлое как объект. В противовес этому предлагался взгляд на историка, точнее простого человека, одновременно являющегося и участником истории, и ее исследователем, как на творца истории. История в этой парадигме не являлась самоценным чистым знанием, а должна была служить делу построения нового человека, его жизнестроительству, изменению мышления, наконец, созданию нового общества. В 1930-е гг. массовые историко-документальные проекты получили продолжение. Во многом благодаря инициативе М. Горького был реализован проект по созданию истории фабрик и заводов, была образована главная редакция «Истории гражданской войны», собиравшая воспоминания участников революции и гражданской войны.

Возникает естественный вопрос: почему же не был реализован советский авангардистский историографический проект? Причин тому несколько. Самая очевидная – идеологический поворот к классической модели историописания, произошедший во второй половине 1930-х гг. и нацеленный на воспитание советского патриотизма. Задача построения «нового человека» оказалась отодвинута задачей построения «социализма в отдельно взятой стране». В этом смысле сталинский период стал торжеством историографической неоклассики.

Немаловажно и отторжение «историографического авангардизма» академической средой. Эксперименты привели к кризису традиционных академических дисциплин: классической древности, медиэвистики и т.д., а именно их представители занимали ключевые позиции в академической иерархии. Не случайно, что 1920-е гг. остались в коллективной памяти историков как время хаоса. Причиной сворачивания экспериментов была и кадровая проблема. Качество абитуриентов (да и преподавательского состава) новых коммунистических вузов, как правило, оставляло желать лучшего.

Наконец, в созданную большевиками централизованную систему организации науки была заложена институциональная проблема. Научные и образовательные институты были слишком зависимы от

власти, а экспериментальная наука может динамично развиваться только в условиях свободы.

Можно говорить, что «историографический авангард» повторил судьбу своего более известного современника – русского авангардистского искусства первой трети XX века. В первое десятилетие существования Советского Союза новым властям оказалось по пути с новым искусством, но по мере укрепления сталинского курса на великодержавие и неоклассику, как лучшее отражение этой идеологии, авангард терял свою актуальность и вскоре фактически оказался под запретом. Огромную роль в возврате к классицизму сыграли и вкусы массового потребителя искусства, для которого авангардизм казался слишком сложным и оторванным от жизни. Также и классический марксизированный позитивизм, лучше отвечавший патриотическому воспитанию и легче воспринимавшийся в рамках школьного образования, во второй половине 1930-х гг. вернул потерянные ранее позиции.

Список литературы

1. *Дмитриев, А.Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства / А.Н. Дмитриев // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 8. – С. 10–38.
2. *Долгова, Е.А.* Споры о методе в российской исторической науке / Е.А. Долгова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2013. – № 1 (102). – С. 166–172.
3. *Покровский, М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 1. 2-е изд. / М.Н. Покровский. – М.: URSS, 2011. – 328 с.
4. *Рыжковский, В.* Был ли у русской революции свой Гегель? Борис Поршневец и его «Критика человеческой истории» / В. Рыжковский [Электронный ресурс] // URL: <http://gefter.ru/archive/22681> – Дата обращения: 09.05.2023.
5. *Синеокая, Ю.В.* Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение / Ю.В. Синеокая // Фридрих Ницше и философия в России: сборник статей. – СПб., 1999. – С. 7–37.
6. *Тихонов, В.В.* Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция / В.В. Тихонов // Вестник СПбГУ. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 1. – С. 256–265.
7. *Тихонов, В.В.* Историческая наука в 1920-е гг.: историографические заметки / В.В. Тихонов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – 2013. – № 30. – С. 101–108.
8. *Тихонов, В.В.* «Ключевскиада» М.В. Нечкиной / В.В. Тихонов // Диалог со временем. – 2019. – № 1 (66). – С. 238–248.